

Глава 1

Калейдоскоп воспоминаний

*Облетела листва, у природы свое обновленье,
И туманы ночами стоят и стоят над рекой...*

Песня, звучащая из старенького динамика в центральном парке Озерска, соответствовала не только погоде, но и настроению Игоря.

Середина осени в этом году отличилась неожиданно теплыми днями и холодными, промозглыми ночами, отчего туманными были не только ночи, но и большая часть утра.

Восьми-, вернее, уже почти девятилетняя Ася, она же Настена, которую Игорь каждое утро отводил через парк в школу, ужасно боялась этой молочно-белой непроглядной пелены. И вложив свою маленькую ладошку в отцовскую руку, другой рукой, для верности, придерживала Игоря за край куртки. Отчего-то ей казалось, что так безопаснее.

Путь был не то чтобы очень длинный, но и не короткий. Игорь шел медленно, подстраиваясь под мелкие шажки дочери.

Обычно она подпрыгивала на ходу. Или убегала вперед, а потом разворачивалась и мчалась навстречу, с радостным криком бросаясь в его объятия. Но сейчас дочка шла рядом притихшая и настороженная.

Запах жженой лисья Игорь обожал с детства. Возможно, потому, что с осенними месяцами в его жизни были связаны важные и невероятно счастливые события. Во-первых, сам он родился в конце октября. Чем собственный день рождения не повод для радости?

В дружной семье Быковых он был единственным ребенком. Да еще поздним, а потому особенно долгожданным. Откровенно говоря, баловали его невероятно. Родные и близкие готовы были жить для него двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю.

А уж такие события, как день рождения и именины (в его семье праздновали и то и другое), естественно, выделялись особо. Меню для детского праздника начинали обсуждать чуть ли не за месяц. Мама и бабушка проявляли такую изобретательность, что их творения в пору было отправлять на конкурс кулинаров.

А какие ему дарили подарки! Жили они небогато, и, даже будучи совсем маленьким, Игорь понимал, что любящим его взрослым приходится себе в чем-то отказывать, чтобы накопить, например, на электрическую железную дорогу или громадный конструктор.

Случалось, подарки бывали и некстати. Когда он в двенадцать лет, незадолго до дня рождения, увлекся фотографией, этот факт отчего-то остался не замечен родственниками. И вместо долгожданного фотоаппарата ему преподнесли игрушечный автопарк с большим гаражом и пультом управления для машин, по которому он сходил с ума аж полгода назад. Игорь никак не показал своего разочарования. Более того, старательно изобразил восторг и даже устроил показательную игру под умильными взглядами родителей и бабушки, уверенных, что доставили ему самую большую в мире радость.

Мальчик любил родных. Ему в душу навсегда запал разговор,

подслушанный как-то в маленькой кладовке около кухни, куда бабушка послала его за прошлогодней подшивкой «Работницы».

Он немного замешкался, изучая содержимое ящика с инструментами, потом спохватился, ведь бабушка не любила ждать, быстро нашел нужную стопку и собрался уже вернуться в комнату, когда услышал разговор, во многом определивший его отношение к жизни.

— Эх, Толя, избалованный вырастет у вас пацан, — назидательно увещевал сослуживец отца, толстый и усатый Михаил Тимофеевич (видимо, они с отцом зашли перекусить в обеденный перерыв, такое изредка случалось). — Так с дитяи нельзя! Это он сейчас у тебя такой послушный, а как вырастет — наплачетесь вы с ним. Ни к чему им все время потакать!

Дальше последовал длинный монолог о воспитании с теоретическими выкладками и практическими примерами. Из этого монолога мальчик почти ничего не понял, но слушал внимательно.

Сам «Макаренко» — дядя Миша — имел двоих сыновей, один из которых сидел в тюрьме, а второй был запойным алкоголиком. Но об этом Игорю стало известно уже много лет спустя.

А тогда он притих между стеллажами в тесной кладовке. Почему-то стало так обидно, что захотелось плакать. Даже не из-за того, что никогда не нравившийся ему Михаил Тимофеевич пытался обвинить его в чем-то непонятном, что он непременно сотворит, когда вырастет, а оттого, что его, оказывается, не «любят», а просто «балуют» и «потакают». Слова были малознакомые, но неприятные.

— Игорь, ты в Африку, что ли, отправился? — Бабушка в недавнем прошлом была завучем младших классов, поэтому голосом обладала громким и звучным. Он вжался в угол кладовки, под вешалку, где висели старые плащи и зонты. Выйти сейчас означало

признать, что он бессовестно подслушивал. Проскользнуть мимо кухни незамеченным было практически невозможно. Но сколько же можно вот так сидеть, притаившись? Вдруг бабушка устанет дожидаться и отправится его искать? Тогда получится совсем некрасиво.

От отчаяния и растерянности Игорь тихонько заплакал. Он вцепился в рукав мамино дождевика и больно закусил губу. Впервые в жизни он понял, что такое «стыдно». Сейчас бабушка придет за ним и скажет, что его только за смертью посылать (это ее любимая поговорка). Отец, услышав, выглянет из кухни, а за его плечом появится противный толстый дядя Миша, который произнесет довольно: «Ну вот, я же предупреждал! Сейчас он уже подслушивает. А что будет завтра! Подумайте, как избаловали парня!»

— Не найдешь «Работницу», принеси мне «Крестьянку»! — Бабушка не унималась. И наконец, выдала место его нахождения. На кухне наступила тишина. Отец и его собеседник замолчали. Слышно было только, как тархтел холодильник. Игорь зажмурился. Вроде так легче. Словно ты невидимый. И в этой страшной тишине прозвучал голос отца — неожиданно громкий, словно он нарочно стремился, чтобы сын его услышал:

— Нет, Мишаня, ты не прав. Балуют, чтоб откупиться, когда не могут дать достаточно любви. На, мол, тебе, сынок, машинку, мороженое и двугривенный на карусели. На тебе, дочка, платье и до рогулю куклу. Только внимания от меня не требуй. И времени. А мы Игоря любим. И бережем. И когда он станет взрослым, ему тоже захочется так же заботиться и о нас, и о своих детях. Тот, кого искренне любят, никогда не вырастет ни плохим, ни несчастным. Запомни.

Игорю показалось, что это «запомни» относится именно к не-

му. Он нащупал в темноте стопку журналов и бросился к бабушке. Страх обнаружить себя почему-то исчез.

Слова, сказанные тогда отцом, он действительно запомнил. И помнил до сих пор. Только ни родителей, ни бабушки уже давно не было на свете.

Радио тянуло:

Потому что нельзя, потому что нельзя,
Потому что нельзя быть на свете красивой такой...

Второе, за что он был благодарен осени, — знакомство с Алей. Целых десять лет назад. А такое чувство, словно все произошло вчера.

Были еще живы родители. Даже бабушка. Потом они ушли быстро, один за другим, словно успокоились, когда он женился. И когда убедились, что в семье у него все благополучно, как и было всегда у них. Как и должно быть у всех.

«Мы отдали тебя в хорошие руки», — шутила мама. И не ошиблась. Альку совсем не изменили ни прошедшие годы, ни рождение дочери. Она осталась точно такой же, какой была до их свадьбы. И даже до знакомства с ним. Игорь помнил ее рассказы о детстве и юности и находил в ее воспоминаниях те же штрихи, которыми отчасти была отмечена их нынешняя жизнь...

Тот сентябрь выдался невероятно жарким. Чуть ли не до октября все ходили в майках и сарафанах и с недоумением поглядывали то на градусник, то на календарь.

«Это не бабье лето — это прямо-таки бабья осень», — улыба-

лась бабуля. Она выглядела тогда особо оживленной, потому что неумолимо приближалось событие, весьма значимое для ее жизни.

Озерск — городок небольшой. Двадцатипятилетие средней школы, которую когда-то окончил Игорь и где долго преподавала его бабушка, решили отпраздновать с размахом. Приглашены были все выпускники и, естественно, весь прошлый и нынешний педагогический состав.

Бабушка, разумеется, не могла оставить без внимания столь знаменательное событие, хотя уже десятый год находилась на заслуженном отдыхе. За ее приготовлениями к празднеству, начавшимися более чем за неделю, наблюдали всей семьей. Она купила на сэкономленные из пенсии деньги белую блузку с кружевами на воротнике и манжетах, покрасила волосы в диковато-синий цвет, который почему-то носил название «спелый баклажан», и даже сделала химическую завивку, хотя раньше никогда себе такого не позволяла и всегда ворчала за это на свою взрослую дочь.

Игорю на юбилей идти не хотелось. Он совсем не стремился увидеть ни бывших своих учителей, ни одноклассников. Самые близкие когда-то друзья-приятели давно уехали из Озерска в поисках лучшей доли. Кто-то в этом преуспел, а некоторые, наоборот, не выдержав жизненных испытаний, скатились в пропасть. Он знал, что почти у всех, кто придет на праздник, давно уже есть семьи, дети. Казалось, совсем немного времени прошло после окончания школы, но тоненькие загадочные девочки успели превратиться в толстых недовольных жизнью женщин (светлые до белизны волосы с отросшими черными корнями, гардероб «прощай, молодость», ранние морщины и горькая тоска во взоре), по-своему несчастных, бесконечно пытающихся похудеть, но почему-то не стремящихся стать ни жизнерадостнее, ни добрее.

Веселые энергичные пацаны превратились кто в пьющих подкаблучников, а кто в грубоватых циников. Жены будут жаловаться на своих мужей, мужа ругать опостылевших супружниц... И выслушивать все это — удовольствие ниже среднего. Тем более когда дело происходит в небольшом городке и ты и так знаешь все подробности биографии каждого.

При этом можно было не сомневаться, что вопросы: «А почему не женился?», «А когда собираешься?» — будут звучать с занудным постоянством. Как и пожелания побыстрее встретить спутницу жизни и нарожать кучу детей. И шуточные угрозы, мол, смотри, долго будешь выбирать — холостяком помрешь, стакан воды будет подать некому. И это от тех, кто сам, не задумываясь, хоть сейчас бегом побежал бы от уютного домашнего очага куда глаза глядят, бряцая по дороге супружескими цепями, превращенными в кандалы за годы совместной жизни.

Игорь и сам не знал, почему так получилось, что к двадцати восьми годам он все еще не имел в паспорте штамп: «Зарегистрирован брак». Он не был привередлив, просто, в отличие от большинства людей, слишком хорошо знал, что же такое настоящая семья. Хотелось любви, как у его родителей. На всю жизнь. Хотелось понимания и уважения. Тепла и заботы. И не только в медовый месяц, как это обычно бывает.

В общем, в день юбилея Игорь с большей охотой остался бы дома. Но лишиться бабушку удовольствия войти под своды родной школы под руку со взрослым внуком он не мог. Слишком трогательными были ее приготовления. Слишком уж большие ожидания она возлагала на эту встречу.

И он скрепя сердце сделал все, чтобы чаяния бабушки оправдались. Разве мог он тогда заподозрить, что именно этим путем

судьба уверенно и неумолимо ведет его к его собственному счастью по имени Аля?

Она, само собой, также не могла этого предположить. Хотя и говорила впоследствии, что несколько месяцев до этой встречи жила словно в предвкушении чего-то прекрасного и необыкновенного. Но Игорь смеялся и относил это скорее на счет богатого женского воображения. Вообще он любил, когда она рассказывала про свою жизнь, тем более что она делала это так мило. Плохого старалась коснуться лишь вскользь, будто неприятности не имели никакого отношения к ней и совсем ее не затронули, о хорошем, наоборот, говорила подробно, вспоминала множество ярких деталей и забавных мелочей.

Аля тогда работала в школе первый год, точнее, второй месяц. Преподавала русский язык и литературу и делала это, как большинство молодых педагогов, с энтузиазмом и удовольствием. В ее личном деле в графе «ФИО» значилось: «Алевтина Викторовна Говорова». Но ей самой ее полное имя, да еще в сочетании с отчеством, казалось слишком вычурным и чужим, словно взятым напрокат у какой-то другой женщины — взрослой, высокой, строгой и властной. Она привыкла быть Алей. И дома, и в своей школе, и в институте. Даже на практике, придя на первый в жизни урок, она так растерялась, что представилась сокращенным именем, вызвав недоумение у вверенных ей учеников. Впрочем, это недоумение быстро переросло в симпатию, а затем и в любовь. Семиклассники обожали свою практикантку, но при этом вовсе не «сели ей на шею» и не «позволяли себе с ней фамильярничать», как стращала Алю после того незадачливого знакомства кураторша практики. Говорова стала единственной студенткой, чьи подопечные на уроках вели себя спокойно и выполняли все, что она им поручала.

После института обращение по имени-отчеству стало казаться вполне естественным. Но к холодному «Алевтина» она так и не привыкла.

Компромисс нашелся сам собой. Первого сентября, знакомясь с ребятами, она неожиданно для себя сказала: «А зовут меня Аля Викторовна». И никто не удивился. Все сразу стали звать ее так — и дети, и учителя; первые — с уважением, а вторые — с симпатией.

«У нашей Аленьки сердечко большое, а ручки маленькие», — беззлобно поддразнивал ее седой физик Павел Петрович, единственный мужчина в педагогическом коллективе, известный ценитель прекрасного пола. «Есть женщины ослепительные, есть обаятельные, а есть просто милые, как наша Алечка. Таких милых ни на кого не меняют. Блекнут рядом с милой женщиной любые красавицы. Я-то знаю», — говорил он так, чтоб она слышала, и улыбался. Аля вспыхивала, смущалась, но ей было приятно. Она вообще была невероятно застенчива, даже диковата, возможно, оттого, что росла без родителей. Отца своего она никогда не видела, а мать умерла, когда девочка была совсем еще маленькой. Ее взяла к себе тетка, сестра матери, жившая в деревне, в часе езды от Озерска, одинокая, не склонная к сантиментам женщина. Там, в Сосновке, Аля окончила среднюю школу, потом перебралась в общежитие и жила в нем пять лет, пока училась в педагогическом. После распределения вопрос о крыше над головой стал особенно остро — каждый день мотаться домой, к тетке, было утомительно и накладно. Пришлось снимать комнату в городе, что при скромной зарплате начинающего учителя тоже было непросто. Поэтому уже через несколько недель после их знакомства Игорь настойчиво принялся уговаривать Алю переехать к ним. Девушка долго отказывалась, она очень стеснялась, не решаясь войти в его семью, и отважилась

только незадолго до свадьбы. Но ее опасения оказались напрасными. Стоило худенькой юной учительнице со старой спортивной сумкой через плечо и еще более древним чемоданом в руках появиться на пороге маленькой квартиры в хрущобе на улице Ермолаева, как на нее тут же обрушилось обожание всего дружного семейства Быковых. И в этом не было ничего удивительного. Не любить Алю было невозможно.

— Папа, а почему нельзя быть красивой? — Подняв голову, Настена пылливо и удивленно смотрела на него ярко-голубыми, точь-в-точь как у матери, глазами.

— Ты о чем, Ася? — Игорь отвлекся от воспоминаний.

— Дядя поет, что нельзя быть красивой такой. А мама ведь красивая-красивая. Разве это плохо? — Столько недоумения, даже обиды было написано на ее маленьком личике, что Игорь невольно улыбнулся. Попробуй объясни ребенку все хитросплетения взрослых отношений!

— Нет, милая, не плохо. У нас с тобой не только мама красивая, но и ты красавица. — Ответ отца девочку вполне устроил. Настена кивнула и, крепче уцепившись за его руку, принялась повторять считалку, разученную вчера на уроке английского. Игорь опять углубился в воспоминания.

Он увидел ее сразу, как только вошел в актовый зал, придерживая под локоть нарядную бабушку. Совсем молоденькая девушка, стоя к нему спиной, прикрепляла к шторам гирлянду из воздушных шариков. В любовь с первого взгляда он тогда не верил. Еще меньше верилось в то, что можно влюбиться в женщину вот так — со спины. Но он влю-

бился. Сразу и наповал. В нежный затылок, на котором каким-то невесомым образом держался тугой узел темно-русых волос. В выбившиеся из прически невесомые летучие прядки. В худенькую шейку с выступающими косточками позвонков, на которую эти прядки спадали. В обтянутые голубым пиджачком хрупкие плечи и высоко поднятые тонкие руки. В стройную талию, такую узкую, что ее, казалось, можно было обхватить двумя ладонями. В длинные ножки, чью точеную линию не могла скрыть даже строгая темно-синяя юбка до середины икры.

Потом он увидел ее в профиль и влюбился еще больше. А когда девушка, наконец, закрепила гирлянду, повернулась окончательно и Игорь встретился со взглядом огромных ярко-голубых глаз, он понял — это навсегда.

Бабушку галантно похитил старенький физик.

Подходили бывшие одноклассники. Он и так сталкивался с ними часто — в маленьком городе все на виду. Но здесь эти встречи казались особенными. Все хлопали друг друга по плечу, интересовались: «Как жизнь?», даже если разговаривали только позавчера, и это совсем не выглядело смешным.

Игорь улыбался, вспоминал, шутил вместе со всеми, но старался не выпускать из поля зрения молоденькую учительницу. Она стояла чуть в стороне, в компании других учителей. Судя по всему, ей было очень весело. Смеялась она тоже по-особенному — откидывая назад маленькую красивую голову.

Как-то сразу Игорь понял, что это она. И еще понял, что это навсегда. Он не сомневался, что пробудет рядом с этой девушкой всю жизнь, до самой смерти, и ни на мгновение не пожалеет о своем выборе. Ее невозможно было представить себе ворчащей, рассерженной или озлобленной. Он даже не мог вообразить ее постаревшей, она казалась воплощением молодости и очарования. Не на

день, не на год, а навечно, словно античная богиня, над которой не властны ни время, ни невзгоды.

Похоже, он смотрел слишком пристально, потому что она поймала его взгляд. Игорь даже испугался, что сейчас на ее лице появится выражение обиды или надменной скуки, как обычно бывает у молодых девушек, к которым проявляют повышенное внимание, но она вдруг улыбнулась ему приветливо и радостно, словно старому знакомому. Не подойти к ней после этого было просто невозможно. И он подошел. Совершенно без страха или смущения, и пригласил ее танцевать. Девушка танцевала легко и естественно, Игорь даже не сразу заметил, что для его удобства она чуть пригнулась на цыпочки. А когда понял, ему вдруг стало очень приятно. Весь танец он молчал. То ли от смущения, то ли от переполнявших его чувств Игорь никак не мог придумать, что бы такое сказать. Все приходящие в голову варианты казались глупыми и банальными. И тогда, точно подслушав его мысли, девушка заговорила сама:

— Меня зовут Аля. А вас?

— А меня Игорь. «Аля» — это полностью Алена? — Он обрадовался, что нашлась наконец тема для разговора. Она покачала головой.

— Алла? — Угадывать было даже любопытно. Хотя он уже знал, что каким бы ни оказалось ее полное имя, он будет звать ее только Алей.

— Нет.

— Тогда, значит, Александра?

— Опять мимо! — Она рассмеялась, и смех ее был похож на журчание лесного ручейка. — Даю вам последний шанс.

— Алеся? — Игорь старался изо всех сил.

— Нет, нет и нет. Не угадали. У меня ужасное имя — Алевтина. Оно такое... такое... брр! Некрасивое и старое.

— Старое?

— Ну... оно подходит женщине после шестидесяти. Чем-то похоже на слово «нафталин», вам не кажется? Надеюсь, я никогда не буду настолько старой, чтоб носить это имя. Зовите меня Алей, ладно?

Из динамиков неслось:

Эти желтые листья в ладони свои собираешь,
Отсверкали они и лежат на холодном лугу.
И ты сердцем моим, словно листьями теми, играешь...

Дворник жег собранные в кучу подгнившие листья. В Озерске по-хозяйски утвердилась осень, которую он любил еще и за то, что в середине ноября родилась Настена. Его бесценная, золотая девочка. Дочь Игорь обожал.

Увидев Асю первый раз, он испугался. Он представлял себе все совсем не так. Думал, что, когда будет получать из рук медсестры долгожданный сверток, испытает невероятную радость и отцовскую гордость, но ничего подобного не произошло. В душе царило недоумение — неужели человек может быть настолько маленьким?

Было уже довольно холодно, и малышку завернули в три одеяла. А когда дома, положив на стол, откинули, как капустные листья, все конвертики и пеленки, девочка показалась ему такой крохотной и беззащитной, что он тут же почувствовал себя слишком большим и сильным и от этого неуклюжим и неуместным. Он не знал, как подойти к ней, как взять на руки. Было страшно сделать что-то не так и нанести ей хоть малейший вред.

Но уже спустя две недели он сам с улыбкой вспоминал свое замешательство.

Алька — как-никак преподаватель русского языка и литературы! — предложила назвать девочку Асей, в честь тургеневской героини. Но он был не слишком доволен таким выбором.

— Мне не нравится сочетание «Ася Игоревна». К тому же ты — Аля, а она — Ася... Вас просто будут путать!

И дочку назвали Анастасией. Сокращенно можно звать Асей. А можно Настей, Настасьей, Настенькой, Настькой и Настеной. Последнее имя ему особенно понравилось. Впрочем, и к Асе он тоже быстро привык.

Аля и Ася. Все его богатство. Вся его жизнь...

Малышка с первых дней начала узнавать его. А может, ему просто так казалось. Когда она плакала, он клал ее себе на грудь, чтобы ее крохотное ушко улавливало биение его сердца.

— Так делали со мной, — объяснял он жене. — Отец рассказывал, что дети, когда только рождаются, еще не отвыкли засыпать под стук сердца. Они же постоянно слышали его в утробе матери. И первые месяцы жизни им очень не хватает этого стука.

— Значит, ты имитируешь мой живот, — смеялась она. — Эх, Игорь, хорошо еще, что я кормящая мать, а то ты вполне мог бы и без меня обойтись.

Он накрывал дочку сверху пеленкой и замирал, вслушиваясь в такое трогательное, такое родное сопение. Иногда свободной рукой он обнимал Алю и в эти минуты чувствовал себя настолько счастливым, насколько обычному смертному чувствовать себя просто не полагается.

Игорь сообразил, что они пришли, когда Настена остановилась у старого здания школы. Той, куда когда-то ходил он сам, где сорок с лишком лет преподавала бабушка и где сейчас работала Аля.

— Ты меня сегодня заберешь или мама?

— Наверное, мама. Только у нее семь уроков. Тебе придется ждать ее часа три. Справишься, Ася?

Она неуверенно кивнула. Настена была совершенно домашним ребенком. И они с Алей каждый раз чувствовали себя виноватыми за то, что их дочь вместо того, чтобы играть дома в куклы, вынуждена торчать на продленке.

— Пока, милая. Беги, а то опоздаешь. — Игорь поцеловал дочь. Поправил рюкзак, отдал пакет со сменной обувью. Долго смотрел ей вслед. В ярко-желтой курточке, длинной, точь-в-точь как у матери, юбке, с двумя хвостиками, перехваченными разноцветными резиночками и с розовым школьным рюкзачком за плечами, она смешно взбиралась на высокие каменные ступеньки. У двери обернулась, помахала ему рукой и вошла в здание школы.

Сегодня он работал во вторую смену. Оставалось больше двух часов. Игорь постоял на школьном дворе. Посмотрел на хмурое осеннее небо, сунул руки в карманы куртки и не спеша направился бродить по Озерску.

Свою работу Игорь обожал. Как и своего начальника.

Арону Натановичу было под восемьдесят. Каждый год он грозился уйти на заслуженный отдых, но ему никто не верил, потому что все прекрасно знали — на пенсии ему делать нечего, тогда как все дело без него встанет.

Вопреки распространенному представлению о людях его национальности, Арон начинал с обычного автослесаря, сам потихоньку сделал карьеру и еще до перестройки занял место началь-

ника СТО. Позже при станции открыли маленький филиал, закупили машины, покрасили их в желтый цвет, разрисовали шашечками — и в городе появился новый таксопарк. Станция обслуживала и свои, и городские автомобили и одновременно служила гаражом.

Игорь был таксистом уже восемнадцатый год и даже не представлял, кем бы еще он мог работать. Все получилось как-то само собой. В старших классах у него были какие-то смутные планы относительно технологического института, но сразу после выпускного вечера его вызвали в военкомат и предложили окончить перед армией автошколу. Посоветовавшись с родными, Игорь согласился и с тех пор ни разу не пожалел о своем решении. Сначала выучился водить грузовые автомобили, а после армии получил еще и права категории «В». Именно во время службы, крутя баранку «ЗИЛа», на кузове которого была табличка «Люди», он понял, что в этом-то и заключается его призвание — возить пассажиров. Поработал несколько лет в городском парке, а потом перешел к Арону со своим автомобилем — старенькими «Жигулями»-«шестеркой», на котором ездил еще Быков-старший. Машину перекрасили ярко-желтой краской, и она словно помолодела, даже сам отец сначала ее не узнал.

Несмотря на то что Озерск относительно небольшой город, работы всегда хватало. Для местных жителей пользоваться услугами их фирмы было обычным делом. Чаще всего такси заказывали по телефону — Игорь всегда удивлялся, когда слышал, как в других городах люди «ловят» машину, стоя у проезжей части.

Слово «голосовать» в применении к данной ситуации он впервые услышал только в армии и не сразу понял, о чем речь.

Служил он в Подмоскowie, в Наро-Фоминском районе и заслу-

женный краткосрочный отпуск решил провести в столице вместе с приятелем Сашкой Рябовым. Домой, конечно, хотелось очень и очень, но дорога туда и обратно на поезде как раз съела бы все отпущенные трое суток, а на самолет денег не было. Поэтому он с охотой принял Сашкино предложение «смотаться в Первопрестольную». Рядовой Рябов был, как он сам выражался, «потомственным москвичом в третьем поколении». Ни больше ни меньше.

Сразу после подъема они покинули часть и пошли по направлению к шоссе, где на асфальтовом пустыре сиротливо белела автобусная остановка. В десятке шагов от нее притулилась стеклянная конструкция, оказавшаяся продуктовым магазином — единственным во всей округе.

— Я в сельпо заскочу, а ты пока голосуй, — скороговоркой произнес Сашка и скрылся.

Озадаченный Игорь остался стоять на месте. Интересно, что его товарищ имел в виду? Может, это шутка такая?

Сашка появился минут через десять, нагруженный пряниками и пивом, и удивленно на него уставился.

— Ты чего стоишь столбом? Мы же не будем до скончания века автобуса дожидаться! Надо машину ловить.

Это было уже более понятно, но только в теории. Игорь чувствовал себя ужасно глупо, глядя на приятеля, который вышел к обочине, вытянул руку и еще зачем-то оттопырил кверху большой палец. Он предпочел делать вид, что вовсе не с Сашкой, а просто стоит рядом в ожидании автобуса.

— Ты чего уставился? Никогда, что ли, машину не ловил? — обернулся Санька.

— Никогда, — честно признался Игорь.

— А как же у вас, в этом вашем Озерске? Вы только пешком ходите, что ли?

«У нас нет таких дикарей, которые посреди дороги будут пальцы топорщить», — хотел сказать Игорь, но не стал, только отрицательно замотал головой.

— У нас в Озерске для такси есть специальные стоянки. А чаще всего машину заказывают по телефону, — объяснил он.

— Да, в Москве тоже так делают, — кивнул приятель. — Но это такой геморрой...

Игорь так и не понял, почему позвонить по телефону Сашке кажется сложнее, чем стоять на автостраде, надеясь на то, что тебя подберет проезжающая машина.

— А если вам нужно ехать куда-то к определенному времени? Ну там, к поезду, например, или в аэропорт?

— Ну и что? — не понял вопроса Рябов.

— Так ведь опоздать можно. Вдруг никто не остановится?

Теперь настала очередь Сашки озадачиться.

— Как это не остановятся? Минут десять-пятнадцать постоишь, обязательно кто-нибудь да затормозит. Надо просто выйти с запасом.

Дальше Игорь решил не уточнять. Время шло. Назначенные Сашкой десять-пятнадцать минут давно миновали, но ни одна из проезжавших мимо редких машин и не думала останавливаться.

— Знаешь что, Игоряха, — Рябов обернулся к нему и увидел, что он мается без дела, — встань-ка с противоположной стороны и тоже голосуй. Так мы быстрее поймаем.

— Но они едут в другую сторону!

— Ничего, развернутся.

— С какой стати?

— Чтоб нас подвезти.

— Так им не по пути.

— Я же знаю, что говорю. Не спорь.

Он поплелся на другую сторону дороги, встал подальше от проезжей части (авось не увидят) и неуверенно вытянул руку. Большой палец оттопыривать не стал — и без того он чувствовал себя, как пугало посреди огорода.

К его удивлению, не прошло и двух минут, как рядом затормозила грязная белая «копейка».

— Куда едем, солдатик? — весело поинтересовался краснолицый водитель.

— В Москву, — неуверенно проговорил он, чувствуя себя полным идиотом. Сейчас дядька покрутит пальцем у виска и объяснит ему, что столица находится аккурат в противоположном направлении.

— А платить-то будем? — еще веселее спросил водитель.

— Будем, — отвечал Игорь. Хоть за это ему не было стыдно. Деньги у них с Сашкой были — незадолго до отпуска оба получили посылки из дома.

— Ну тогда садись, — неожиданно кивнул краснолицый.

— Я не один, — забормотал Игорь, — нас двое, у меня там товарищ.

— И товарища прихватим, — охотно согласился дядька.

— Ну вот, будущий таксист, теперь будешь знать, что, если стоит на дороге хороший человек с вытянутой рукой — это твой клиент, — важно поучал Сашка, размещая на заднем сиденье «копейки» свою необъятную сумку. Баул был настолько огромным, словно Рябов уже демобилизовался и ехал в Москву насовсем, а не в отпуск на каких-то три дня.

«Да я, если такое увижу, буду объезжать за три квартала», — решил тогда Игорь.

За эти три дня, проведенные в семействе Рябовых, Игорь успел понять, что москвичи — люди хорошие, но немного странные. Все они жили какой-то суетливой, шепотной жизнью, словно каждый день что-то праздновали. Они называли парадное подъездом, бул-ки именовали батонами и долго не могли его понять, когда он сообщил, что хочет купить родителям красивые обои, чтобы сделать ремонт в зале. Слово «зал» было им непривычно, по их мнению, так назывались помещения во дворцах, а не большие комнаты в квартире. Все три дня Сашкина мама кормила их как на убой, причитая, какие они худенькие и болезненные. Особенно, конечно, ее сыночек, который уже тогда весил под центнер и вид имел исключительно бодрый.

За все семьдесят два часа они так и не выбрались посмотреть город, хотя Игорь до последнего надеялся на ознакомительную прогулку. Но рядовому Рябову его настрой был непонятен.

— Да ладно тебе, Игоряха. Отъедайся, отсыпайся. Тебе потом еще год служить. Нет ничего особенного в этой Москве. Ну башня со звездой, ну театр с лошадьми. Я и сам, кстати, в этом театре никогда не был, и ничего, жив еще.

Игорь не возражал, но дал себе слово, что после дембеля обязательно еще раз навестит столицу, но уже без оказавшегося вдруг таким скучным Рябова.

Игорь вдохнул свежий осенний воздух. Наверное, он никогда не смог бы жить где-то, кроме Озерска... Тут его родные, работа, тут доставшаяся от родителей маленькая уютная квартира со ста-

рой мебелью. Тут ребята таксисты, такие же, как и он, работяги. Тут его начальник, самый мудрый и все понимающий.

Арона Натановича между собой звали Старик. Он был для них другом и отцом, лучшим в мире собеседником и советчиком. Игорь не знал другого человека с таким объемом знаний, с такой фантазией, с таким запасом мудрых мыслей, с таким чувством юмора.

«Счастье — это когда утром хочется идти на работу, а вечером — возвращаться домой, к семье», — говорил Старик, прилаживая над входом СТО матерчатый плакат с надписью: «На работу, как на праздник». С семьей дело у всех обстояло по-разному, но на работу действительно ходили, «как на праздник».

Неверно было бы сказать, что заслуга Арона Натановича перед Озерском заключалась только в создании таксопарка. Все было намного сложнее.

Станцию техобслуживания, где работал Игорь, можно было назвать большим домом, который Старик бережно строил несколько лет, тщательно подбирая кирпичики. Или островом в беспокойном море постперестроечного городка. Или садом, который Арон Натанович возделывал потом и кровью. И, наконец, большой дружной семьей, где каждый был для другого намного больше, чем просто коллегой.

Старик, как никто другой, умел увлечь общим делом, и при этом ему совершенно чужда была философия отдельных винтиков в одной большой системе. Для него каждый из них, водителей, был уникален и незаменим.

Понял это Игорь не сразу. В молодости все воспринималось как должное, казалось, так оно везде, иначе не бывает. И лишь потом, наслушавшись разговоров в курилке, он понял, как ему повезло, что он работает у Арона.

Курилкой называли просторную продолговатую комнату при гаражах. Старик специально оборудовал ее для отдыха, поставил туда три дивана, низкий журнальный столик, черно-белый телевизор и маленький холодильник. Здесь водители коротали время в ожидании вызова, обедали, пили чай, решали кроссворды и обсуждали все, что можно, начиная с международной политики и заканчивая ссорой с подвыпившими соседями.

Раньше Игорь тоже охотно участвовал в этих разговорах, но, когда родилась Настена, все остальное стало казаться ему несущественным. Предстоящий ремонт машины, стремительно растущие цены и столь же стремительно обесценивающаяся зарплата — все это имело значение лишь постольку, поскольку касалось дочки. Он мог часами рассказывать о том, что Асенька сделала сегодня, а что позавчера, как она болела ангиной, как нарисовала его портрет и что забавного они с женой услышали от нее в последнее время. Вскоре в речь его коллег как-то сами собой вошли исковерканные детским языком словечки и смешные выражения из репертуара его дочурки. Особенно любили таксисты вспоминать замечание, сделанное Настей во время загородной прогулки.

Как-то ранней весной семья Быковых отправилась навестить Алину тетку в Сосновке. Утро было довольно прохладным. Игорь решил сделать небольшой перерыв и притормозил на обочине. Аля вынула из сумки термос с горячим чаем, напоила дочку и предложила попить Игорю. Тот, обернувшись, взял у нее из рук железный стаканчик и тут увидел совершенно круглые от удивления и испуга глаза Настены.

— Ты что, папа, этого же нельзя! По телевизору говорили, что пить за рулем нельзя! — на полном серьезе выдала его законопослушная пятилетняя дочь. — Тебя же заберут в милицию!

Интересно, почему с ним это происходит? Почему уже несколько месяцев он словно просматривает свою жизнь, заснятую на киноплёнку? Почти каждый день приходят на ум эпизоды из прошлого. Это сейчас-то, когда он абсолютно счастлив!

Когда он поделился своими размышлениями с Ароном, тот предположил, что это к переменам в жизни.

— Никто не знает, что ждет его завтра, — сказал Старик. — Картину у меня дома помнишь?

Игорь понял, о чем шла речь. Эта репродукция с полотна какого-то художника, не то француза, не то бельгийца, произвела на него очень сильное впечатление, когда он увидел ее впервые. На ней был изображен старинный замок — не сказочный, изящный и вычурный, а прочный, массивный, как строили в совсем уж древние времена, когда девиз «Мой дом — моя крепость» был не забавной поговоркой, а определением жизненной необходимости. Впечатление надежности замка усиливалось еще и тем, что стены и башни были высечены из скалы, на которой этот замок стоял, такой же крепкой и нерушимой на вид, как и само строение. Но вся оригинальность картины заключалась в том, что эта самая скала висела без всякой опоры в воздухе, на фоне голубого, полного облаков, неба, прямо над волнующимся морем.

— Здорово! — сказал тогда Игорь. — Как называется эта картина?

Старик пожал плечами:

— Не знаю, тут написано по-французски, а я франсе не парле... Я зову ее «Мир над пропастью». На мой взгляд, тут выражена вся сущность нашей жизни. Как бы прочно и уверенно ты себя ни ощущал, всегда надо помнить о том, что ты, в конечном счете, вишишь в воздухе над пропастью...

Солнце ненадолго появилось из-за осенних туч, затем снова пошел мелкий нудный дождь. Но Игорь не стал прибавлять шаг. На узеньких улочках было совсем пусто. Он зашел в небольшое кафе с милым, каким-то советским еще названием «Ветерок» и заказал себе черный кофе. Сейчас он мог себе это позволить, как, впрочем, и многое другое. А был в их с Алей жизни период, как назло совпавший с рождением Настены, когда не то что в кафе, в магазин лишний раз не сходишь. Собственно, ходить туда было и незачем, разве что полюбоваться на пустые полки... Из детского питания в продаже была только одна-единственная совершенно несъедобная молочная смесь, от которой дочка тут же покрылась диатезной сыпью. А молоко у Али исчезало буквально на глазах. Молодая мама ведь тоже не могла есть вдоволь. Игорь все время боялся, что вот-вот в его доме зазвучит: «Что ты за мужик, даже заработать не можешь?», «Зачем заводить семью, если не в состоянии ее прокормить?» и тому подобное, что чуть ли не каждый день с горечью повторяли его коллеги. Но Аля держалась на удивление стойко. Штопала его носки и свои колготки, быстро научилась шить дочке одежду из своих старых юбок и платьев, сама изобретала какие-то оригинальные рецепты из тех незатейливых продуктов, которые удавалось купить. Пытаясь побольше заработать сверх обязательного плана, Игорь колесил по городу почти круглую неделю, да еще и по ночам, когда тарифы были чуть выше. Аля, видя, как зашивается муж, решила заняться репетиторством. Вечера и выходные она, оставив дочку на старенькую соседку, проводила в чужих квартирах с чужими детьми, готовя их к экзаменационным сочинениям и стараясь вдолбить им в голову то, что они не смогли усвоить за партой. Эти занятия изматывали ее и огорчали Игоря, мечтавшего чаще бывать с обеими своими «любимыми девочками», как он

звал жену и дочь, но хоть частично решали их проблемы. Алин заработок — иногда до пятидесяти долларов в месяц — был ощутимым подспорьем для молодой семьи, но все равно денег катастрофически не хватало. Поломка старенького холодильника «Саратов», который, как оказалось, невозможно починить, стала для Быковых настоящим бедствием.

Старик первый заметил, что у Игоря что-то неладно. Он вызвал его к себе в кабинет и сказал:

— Мне нравится, как ты работаешь, Игорь. Ты парень толковый, народ тебя уважает... Думаю, ты вполне справишься с должностью начальника смены. Конечно, это ответственность... Но, с другой стороны, зарплата повыше, а главное — нормированный рабочий день. Все-таки побольше сможешь бывать со своей дочкой.

Он дал ему неделю на размышление, но Игорь не успел дойти до курилки, как вернулся и сказал, что согласен.

Игорь глянул на часы — пора. Подозвал официантку, расплатился за кофе, вышел на улицу и бодро зашагал в сторону автопарка. Пожалуй, на сегодня хватит воспоминаний...

Глава 2

Для чего люди вырастают?

— Что желаете на завтрак? — Аля привстала на локте и смотрела на него, свеженькая и веселая. Это было, наверное, последнее теплое субботнее утро в этом году. Яркое солнце нахально пробивалось сквозь толстые шторы, обманчиво обещая вечное лето.